

Б. Рассел
ВЛАСТЬ: НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹³

*Перевод с английского:
О.К. Шевченко, С.Н. Передерий*

1. Тяга к власти

В сравнении с другими представителями животного мира человек обнаруживает как интеллектуальные, так и эмоциональные отличия. Одно из ключевых отличий эмоционального плана заключается в том, что некоторые желания человека – и в этом их отличия от желаний животных – безграничны и не могут быть полностью удовлетворены. Насытившийся удав спит до тех пор, пока к нему не вернется аппетит. Если другие животные поступают иначе, это потому, что их рацион более скудный, либо они опасаются нападения врагов. За редким исключением, действия животных обусловлены необходимостью выживания и продолжения рода и не выходят за рамки этих целей.

У людей всё иначе. Конечно же, значительная часть представителей рода человеческого, пытаясь удовлетворить свои насущные потребности, вынуждена трудиться в поте лица своего. На всё остальное остаётся слишком мало сил. Но и те, кому нет необходимости искать себе пропитание, тем не менее, ведут активный образ жизни. Когда Ксеркс начинал свой военный поход на Афины, у него не было недостатка в пище, одежде или женщинах. Материальный достаток Ньютона был обеспечен с тех пор, как он стал Действительным членом Тринити-колледжа в Кембриджском университете. Но свои «Математические начала натуральной философии» («Principia») он написал позже. Ни Святому Франциску Ассизскому, ни Игнатию де Лойоле не было необходимости создавать религиозные ордены чтобы выбраться из нищеты. Они были выдающимися личностями, но эту же черту характера, в той или иной степени, можно обнаружить почти у всех, за исключением незначительного числа особенно ленивых людей. Госпожа А., будучи вполне уверенной в том, что финансовые дела её мужа идут хорошо, и не боясь попасть в рабочий дом, всё же любит одеваться лучше, чем госпожа Б., хотя могла бы избежать риска заболеть пневмонией и не прибегая к таким затратам. И госпожа А., и госпожа Б. будут довольны, если их мужьям пожалуют титул рыцаря или изберут в Британский парламент. В мечтах нет предела воображаемым триумфам. И если таковые считаются достижимыми, то будут предприняты усилия для их достижения.

---

¹³ Перевод выполнен по изданию: Russell, B. Power: A New Social Analysis / B. Russel. – London, New-York: Taylor & Francis E-library, 2004. – 258 p. Переведены первые две главы: «The Impulse to Power» и «Leaders and Followers». Места, помеченные значком [...], свидетельствуют о пропуске в переводе отдельных поэтических текстов.

Воображение – вот стимул, заставляющий людей непрерывно прилагать усилия даже после удовлетворения своих базовых потребностей. Большинство из нас крайне редко могли бы сказать о себе, процитировав У. Шекспира:

Умереть сейчас
Я счел бы высшим счастьем. Я боюсь –
Моя душа полна таким блаженством,
Что радости, как эта, ей не встретить
В неизвестных судьбах¹⁴.

Вполне естественно, что в редкие моменты абсолютного счастья мы, вслед за Отелло, жаждем смерти, поскольку понимаем, что нашего чувства удовлетворённости не хватит надолго. Мы не можем обрести того, что человеку нужно для постоянного счастья: только Бог может чувствовать абсолютное блаженство, ибо Его «есть Царство и сила, и слава во веки»¹⁵. Мирские царства ограничивают друг друга, мирская власть прерывается смертью; мирская слава с течением столетий тускнеет, какие бы пирамиды мы ни строили и как бы ни пытались «взять в жёны бессмертную поэзию»¹⁶. Тем, кто обделён славой и властью, может казаться, что они могли бы довольствоваться малой толикой и того, и другого. Но они заблуждаются: эти желания неутолимы и бесконечны, и лишь в безграничности Бога они могли бы обрести покой.

В отличие от животных, довольствующихся своим собственным существованием и продолжением своего рода, люди желают развиваться [to expand]. В этом аспекте их желания ограничены лишь рамками возможного, которые устанавливаются их же воображением. Каждый человек хотел бы быть Богом, если бы это было возможно. Кое-кому трудно признать невозможность этого. Такие люди скроены по образу Сатаны в поэме «Потерянный рай» Джона Мильтона, соединяя в себе, подобно ему, благородство и безбожие. Под термином «Безбожие» [impiety] я подразумеваю отказ признать ограниченность мощи отдельно взятого человека. Это титаническое соединение благородства и безбожия особенно ярко проявляется у великих завоевателей, но в определённой степени присуще всем людям. Именно это затрудняет взаимодействие в обществе, ведь каждый из нас представляет его как взаимодействие Бога с теми, кто верит в него, причём ставит себя на место Бога. Всё это порождает соперничество, необходимость идти на уступки и применять государственные органы, стремление бунтовать, нестабильность и периодическое применение насилия. Следовательно, мораль ограничивает отстаивание своего самоутверждения если оно ведёт к анархии.

---

¹⁴ Шекспир В. «Отелло». Акт II, сцена 1. Пер. М. Лозинский. – *Примечание переводчиков.*

¹⁵ Мф. 6:9-13. – *Примечание переводчиков.*

¹⁶ Аллюзия на поэму У. Вордсворта «Прогулка» («The Excursion»). – *Примечание переводчиков.*

Из всех безграничных устремлений человека главными являются власть и слава. Эти понятия не тождественны, хотя и тесно связаны друг с другом: у премьер-министра власти больше, чем славы, а у короля славы больше, чем власти. Однако самый простой способ прославиться, как правило, заключается в обретении власти. Это особенно типично для людей, активно проявляющих себя в общественной деятельности. Таким образом, тяга к славе, в основном, подталкивает человека к тем же действиям, что и жажда власти. Мотивация в обоих случаях может считаться одинаковой в практическом смысле. Ортодоксальные экономисты, как и К. Маркс, разделяющий их точку зрения в данном вопросе, ошибочно полагали, что получение собственной выгоды можно считать основным мотивом в социальной науке. Стремление к благам, если оно не связано с властью и славой, имеет свои пределы и может удовлетворено при относительно хорошем материальном положении. Действительно дорогостоящие желания не продиктованы тягой к материальному комфорту. К таким благам, как коррумпированные органы законодательной власти или частная картинная галерея, вобравшая в себя общепризнанные шедевры старых мастеров, люди стремятся ради власти или славы, а не ради того, чтобы в них с комфортом посидеть¹⁷. После достижения умеренного уровня комфорта и отдельно взятые люди, людские сообщества будут стремиться скорее к власти, чем к богатству. Возможно, они будут стремиться к богатству как к средству обретения власти либо отказываться от роста их благосостояния ради усиления их власти. Как бы то ни было, и в первом, и во втором случаях их основной мотив имеет отнюдь не экономическую природу.

Эта ошибочность традиционной и марксистской экономических теорий имеет не только теоретический характер, но и огромное практическое значение. Кроме того, она привела к неверному истолкованию природы некоторых ключевых событий недавнего времени. Только осознание того, что тяга к власти становится причиной действий, приводящих к общественно значимым событиям, помогает правильно интерпретировать историю – как древнюю, так и современную.

На страницах этой книги я буду доказывать, что Власть является фундаментальным понятием социальной науки, в том же смысле, что Энергия является фундаментальным понятием физики. Как и энергия, власть принимает различные формы: богатство, вооружённые силы, гражданская администрация, влияние на умы людей. Ни одна из данных форм не стоит в подчинении какой-либо другой форме и не является изначальной, от которой произошли бы остальные формы власти. Попытка рассмотрения какой-либо одной формы власти, например, богатства, отдельно от других форм будет иметь лишь частичный успех – так же, как изучение какой-либо одной формы энергии, будет иметь недостатки, если другие формы не будут учитываться. Богатство может быть результатом военной власти или влияния на умы людей, но оно, в свою очередь, может породить власть и влияние. Законы социодинамики можно трактовать только сквозь призму власти в целом, а не той или иной формы власти. В прежние эпохи военная власть отличалась изолированностью, вследствие чего победа или поражение, очевидно,

---

¹⁷ Нак в оригинале “to sit”. – примечание переводчиков.

зависели от случайных личных качеств военачальников. В наше время экономическую власть обычно трактуют как источник всех остальных форм власти. Я буду доказывать, что эта трактовка так же ошибочна, как и теория власти, некогда предложенная военными историками, но ныне считающаяся устаревшей и вытесненной на периферию – во многом благодаря этой самой трактовке. Опять же, есть люди, считающие пропаганду основной формой власти. Эта точка зрения отнюдь не нова; она проявляется в таких старинных пословицах, как *magna est veritas et prevalebit*¹⁸ и «Кровь христиан-мучеников – семя веры»¹⁹. И она в той же степени правдива и лжива, как и военная, и экономическая точки зрения на власть. Если пропаганде удаётся достичь почти полного единства мнений, она способна породить невероятно сильную власть. При этом люди, контролирующие военную и экономическую ситуации, могут при желании использовать этот контроль с целью пропаганды. Вновь проведём параллель с физикой: власть, как и энергию, необходимо рассматривать как постоянный переход из одной формы в другие, а социальная наука должна заниматься поиском законов этих трансформаций. Попытка изолированно рассматривать какую-либо из форм власти (особенно экономическую форму, что характерно для нашего времени) была и остаётся причиной ошибок огромной практической значимости.

Отношение к власти во многом отличается в различных социумах. Начнём с того, что они различаются уровнем власти, концентрируемой в руках отдельно взятых людей и организаций. Например, очевидно, что из-за усиления организованности в наше время Государство обладает большей властью, чем когда-либо прежде. Кроме того, они отличаются и тем, какой тип организации является наиболее влиятельным: военный деспотизм, теократия и плутократия отнюдь не похожи друг на друга. В-третьих, они отличаются по способу обретения власти: наследственная монархия порождает один тип выдающихся людей; качества, необходимые для великого духовного лица, проявляются в другом типе; демократия порождает третий тип, а война – четвёртый.

Там, где не существует общественных институтов, ограничивающих число потенциальных власть предержащих людей (аристократия или наследственная монархия), по большому счёту, власть достаётся тем, кто сильнее других её жаждет. Отсюда следует, что в общественной системе, где власть теоретически доступна всем людям, руководящие посты, как правило, занимают люди, отличающиеся от других исключительным властолюбием. Будучи одним из сильнейших человеческих мотивов, властолюбие рассредоточено очень неоднородно и ограничено множеством других мотивов, например, стремлением к удобству, получению удовольствия и иногда одобрения со стороны других людей. Среди более робких людей она выступает под маской тяги к подчинению руководителю, что только усиливает силу тяги к власти среди смелых людей. Люди, не обладающие сильной

---

¹⁸ «Велика истина, и она восторжествует» (пер. с лат.) – *примечание переводчиков.*

¹⁹ Афоризм, который был сформирован задолго до написания Б. Расселом своего текста и стал расхожим выражением. Крылатая фраза родилась из цитаты: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя». Тертуллиан. Апологетик 50, 13. – *примечание переводчиков.*

тягой к власти, вряд ли будут в значительной степени влиять на ход событий. Как правило, изменения в обществе инициируются теми, кто решительно настроен на осуществление этих изменений. Таким образом, властолюбие – отличительная черта влиятельных людей. Здесь можно наблюдать причинно-следственную связь. Естественно, ошибочно было бы рассматривать её в качестве единственного мотива, но при поиске законов причинно-следственной связи в социальной науке эта ошибка – как бы странно это ни звучало – не увела бы нас от правильного пути слишком далеко. Ведь властолюбие – главный мотив, приводящий к изменениям, являющимся предметом изучения социальной наукой. Я буду доказывать, что законы социодинамики возможно продемонстрировать лишь сквозь призму власти в различных её формах. Для определения этих законов необходимо, во-первых, сформулировать классификацию форм власти, а затем сделать обзор различных исторически значимых примеров того, какими способами организации отдельные люди получали контроль над человеческими жизнями.

Вся эта книга служит двойной цели: представить общий анализ изменений в обществе, который будет более адекватным, на мой взгляд, чем у экономической школы, и создать более понятный образ настоящего и вероятного ближайшего будущего у тех людей, которые ещё руководствуются представлениями XVIII и XIX веков. Эти столетия имели во многом исключительный характер. Кажется, что мы сейчас возвращаемся, во многих отношениях, к формам жизни и мышления, доминирующих в более ранние эпохи. Понимание истории – как древней, так и средневековой – крайне важно для осознания нашего времени и его запросов, ибо только так мы сможем нащупать форму прогрессивного развития, над которой не довели бы аксиомы XIX века.

2. Вожди и ведомые

Властолюбие имеет две формы: явно выраженная (у вождей) и скрытая (у ведомых людей). Осознанно следуя за вождём, люди рассчитывают на обретение власти группой людей под его командованием и воспринимают его успехи как свои собственные. Большинство людей не ощущают в себе способности вести своё окружение к победе, поэтому они ищут вожака, очевидно, обладающего смелостью и прозорливостью, без которых превосходства не достичь. Эта любовь проявляется даже в религии. Ф. Ницше обвинял христианство в насаждении рабской морали, но целью всегда был триумф в конечном итоге. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»²⁰. А в известном церковном гимне это сформулировано более конкретно:

Сын Божий вышел на войну
Для праведных побед,
Кто чрез преграды и вражду
За Ним стремится вслед?
Кто чашу горя тихо пьёт,
Ничем невозмутим,

---

²⁰ Матф. 5:5 – примечание переводчиков.

Кто терпеливо крест несёт,
Тот следует за Ним.

Если это рабская мораль, тогда каждый солдат удачи, терпящий тяготы военной кампании, и каждый рядовой политик, проявляющий усердие во время предвыборной кампании, должны считаться рабами. Но фактически, в любом деле, действительно построенном на принципах сотрудничества, ведомые люди в психологическом смысле являются рабами ничуть не в большей степени, чем их лидеры. Именно это служит причиной устойчивости неравенства распределения власти, которое само общество делает неизбежным. Оно имеет тенденцию к увеличению, а не уменьшению по мере того, как общество становится более организованным.

Неравномерное распределение власти всегда присутствовало в человеческих сообществах, как бы глубоко мы ни углублялись в прошлое. Это частично можно объяснить внешними факторами, а частично – причинами, кроющимися в самой человеческой природе. Большинство коллективных мероприятий осуществимы лишь при наличии некоего органа управления. Если нужно построить дом, то кто-то должен составить план строительства; если запустить движение поездов по железной дороге, то составление расписания нельзя оставить на усмотрение машинистов; если прокладывается новая дорога, кто-то должен определить её направление. Даже избранное демократическим путём правительство всё-таки является органом власти. Таким образом, по причинам, никак не связанным с психологией, должны существовать люди, отдающие приказы, и люди их исполняющие, если коллективные мероприятия нацелены на успех. Но сам факт, что это осуществимо, и в ещё большей мере факт того, что существующая степень неравномерности распределения власти превышает технически необходимую, можно объяснить лишь сквозь призму психологии и физиологии отдельных взятых людей. Некоторые люди по своей природе всегда склонны к командованию, а другие – к подчинению. Между этими крайностями находится огромное количество обычных людей, которым нравится командовать в некоторых ситуациях, но в других случаях они предпочитают подчиняться лидеру.

В книге «Понять природу человека» А. Адлер выделяет властный и покорный типы личности человека. По его словам, «Раболепный человек живёт по правилам и законам других людей; этот тип личности почти машинально ищет возможность услужить другим людям»²¹. С другой стороны, продолжает А. Адлер, властный тип личности вопрошает себя: «Как я могу стать начальником для остальных людей?»²². Он всегда появляется там, где нужен директор, его же выносит на вершину власти во время революций. По мнению А. Адлера, оба типа

---

²¹ «Угодливый индивидуум живет по правилам и законам, установленным другими, стремление занять подчиненное положение у человека подобного типа едва ли не переходит в манию» Адлер А. Понять природу человека: пер. Е. А. Цыпина. Глава «Покорность» – примечание переводчиков.

²² Соответствия в указанном выше переводе с цитатой в книге Б. Расселом не установлено – примечание переводчиков.

нежелательны в своих крайних проявлениях. Он рассматривает их как результат получения человеком образования. «Самый большой недостаток авторитарной системы образования», – как утверждает он, – «в том, что она преподносит ребёнку идеал власти и показывает ему удовольствия, связанные с обладанием властью»²³. Мы можем добавить, что авторитарная система образования формирует как рабский, так и деспотический типы личности. Ведь она создаёт ощущение, что единственно возможный тип взаимоотношений между людьми, занятыми общим делом, подразумевает того, кто приказывает, и того, кто этим приказам подчиняется.

Любовь к власти в различных ограниченных формах можно встретить почти везде, но в абсолютной форме – очень редко. Женщина, которая с удовольствием пользуется властью, ведя домашнее хозяйство, вероятно, уклонилась бы от той политической власти, которой обладает премьер-министр. С другой стороны, Авраам Линкольн, не боявшийся руководить Соединёнными Штатами Америки, в домашнем обиходе с трудом переносил конфликты и разлады. Если бы «Беллерофонт» потерпел кораблекрушение, Наполеон, возможно, смиренно исполнял бы приказы британских офицеров при посадке в спасательные шлюпки. Людям нравится власть до тех пор, пока они уверены в своей компетентности в том или ином деле, но, осознав свою некомпетентность, они предпочитают следовать за лидером.

Тяга к подчинению другим людям, столь же присущая человеку и в той же степени распространенная, что и тяга к проявлению власти, восходит к страху. Самая непослушная ватага ребятишек, которую вы могли бы представить, будет беспрекословно подчиняться приказам опытного взрослого человека в ситуации, угрожающей опасностью (например, при пожаре). Когда началась Первая мировая война, британские суфражистки примирились с премьер-министром Ллойдом Джорджем. Всякий раз, когда возникает серьёзная опасность, большинство людей стремятся найти авторитетного человека и подчиниться ему. В такие моменты мало кто будет мечтать о революции. Когда начинается война, у людей появляются сходные чувства по отношению к правительству.

Организации вовсе не обязательно создаются с целью противостояния опасностям. В некоторых случаях экономические организации (например, угольные шахты) подразумевают наличие опасностей. Но эти опасности имеют эпизодический характер; если бы можно было их вообще исключить, эти организации работали бы ещё успешнее. В целом, преодоление опасностей не является одной из основных целей экономических организаций или правительственных организаций, занятых внутригосударственными делами. Однако спасательные шлюпки и пожарные команды, наряду с армией и флотом, создаются ради преодоления опасностей. В более широком смысле, то же самое можно сказать

---

²³ «Самая большая опасность авторитарного воспитания состоит в том, что оно дает ребенку идеал власти и демонстрирует ему преимущества, связанные с обладанием властью». Адлер А. Указ. соч. Глава «Общие замечания по воспитанию и обучению детей» – *примечание переводчиков*.

и о религиозных организациях, одной из целей существования которых – унять метафизический страх, глубоко укоренившийся в человеческой природе. Если кто-то склонен подвергнуть это сомнению, пусть он подумает об этом религиозном гимне:

Скала веков, расселина для меня,
Позволь мне спрятаться в тебе;
Иисус, любимец моей души!
Позволь мне к твоей груди припасть,
Пока катятся воды,
Пока соблазны ещё велики²⁴

В подчинении воле Божьей видится осознание полной безопасности, что привело к самоуничтожению многих монархов, которые не могли покориться ни одной мирской сущности. Склонность к повиновению зиждется на страхе – и не имеет значения, является ли вождь, которому мы подчиняемся, человеком или божеством.

Общим местом стало мнение о том, что агрессивность также часто коренится в страхе. Я склонен полагать, что эту теорию слишком переоценивают. Теория верна по отношению к определённому типу агрессивности, например, описанному в произведениях Д. Г. Лоуренса. Но я сильно сомневаюсь в том, что капитаны пиратских кораблей – это люди, которых мучает испытанный в детстве ужас перед их отцами, или что Наполеон под Аустерлицем действительно чувствовал, что сводит счёты с *Madame Mère* (своей матерью, которую стали называть так после провозглашения империи во Франции). Я ничего не знаю о матери Аттилы, но у меня есть подозрения, что излишне баловала своё любимое чадо. Это «чадо» впоследствии чувствовало раздражение по отношению к миру, который иногда сопротивлялся его причудам. Мне кажется, что тип агрессивности, происходящий из робости, – вовсе не то, что вдохновляет великих лидеров. Следует сказать, что великие вожди лидеры обладают исключительной верой в себя, которая не только лежит на поверхности, но и глубоко проникает в подсознание.

Уверенность в своих силах, необходимая лидерам, вырабатывается различными способами. В силу исторических обстоятельств, самый распространённый из них – унаследованная возможность командовать. Почитайте, например, тексты речей, произнесённых королевой Елизаветой I в кризисные моменты. Вы увидите, что в них монарх доминирует над женщиной, убеждая её саму, а через неё – и всю нацию – что она-то знает, что и как нужно делать. Знает лучше, чем кто-либо из простых людей, которые и помыслить о таких знаниях не могут. В её случае интересы нации гармонировали с интересами монарха, поэтому она была Доброй Королевой Бесс [Good Queen Bess]. Она даже могла восхвалять своего отца, не вызывая при этом возмущения людей. Нет сомнений в том, что если у человека есть привычка командовать, то ему проще нести груз ответственности и быстро принимать решения. Клан, вождь которого получил власть по наследству,

---

²⁴ Thomas B.J. Rock of Ages: Пер. О. Колесникова – примечание переводчиков.

вероятно, будет более успешным, чем в случае избрания вождя методом жребия. С другой стороны, возмём организацию наподобие средневековой церкви²⁵, избравшей своего главу по принципу наличия у человека выдающихся достоинств и обычно после того, как он получил значительный опыт, занимая важные административные должности. В целом, такая организация достигала гораздо больших успехов, чем наследственная монархия.

Некоторых из самых выдающихся вождей, известных на протяжении всей истории, породила революционная ситуация. Кратко рассмотрим личные качества, которые привели к успеху Кромвеля, Наполеона и Ленина. Все трое правили в тяжёлые для своих стран времена и добились верной службы своих самых способных сограждан, которые по своему характеру не были склонными к покорности. Все трое обладали безграничной смелостью и уверенностью в своих силах, сочетая эти качества с умением проявить здравый смысл (как это казалось их соратникам) в трудных ситуациях. Однако Кромвель и Ленин принадлежали к одному типу, а Наполеон – к другому. Кромвель и Ленин были глубоко религиозными людьми – они верили, что являются избранными проводниками некой сверхчеловеческой идеи. Таким образом, их тяга к власти казалась им самим бесспорно праведной. Их мало привлекали блага – такие, как роскошь и удобства – которые не могли сочетаться со вселенским замыслом, с которым эти люди отождествляли себя. Это особенно характерно для Ленина, поскольку Кромвель в последние годы жизни осознавал, что впал в грех. Тем не менее, в обоих случаях мы видим сочетание веры и великого дарования, что придавало им смелость и способность убедить их сторонников в своём лидерстве.

В отличие от Кромвеля и Ленина, Наполеон является блестящим примером солдата удачи. Революция пришлась ему по душе, так как открыла для него новые возможности, но во всех иных аспектах он проявлял к ней безразличие. Хотя он благоволил французской патриотической идее и зависел от нее, Франция – как и Французская революция – были для него всего лишь источниками возможностей. А в молодые годы он даже подумывал о том, чтобы сражаться за Корсику против Франции. Причина его успеха крылась не в каких-либо исключительных качествах его характера, а в технических навыках ведения военных действий: там, где другие проиграли бы, он одерживал победы. В переломные моменты, такие как Переворот 18 Брюмера и Битва при Маренго, успех Наполеона зависел от других людей. Но у него был особый дар, позволивший ему присвоить себе достижения своих соратников сподвижников. Во французской армии не было недостатка в амбициозных молодых людях. Именно смысленность Наполеона, а не особенности его характера придала ему сил для победы там, где другие терпели поражение. Вера Наполеона в свою звезду, в итоге приведшая его к краху, была результатом его побед, а не их причиной.

Возвращаясь в нынешнюю эпоху, с точки зрения психологии, нам следует поставить Гитлера в один ряд с Кромвелем и Лениным, а Муссолини – с Наполеоном. Вспомним солдат удачи или пиратских вождей: их значение в

---

²⁵ Речь идет о католической церкви – *примечание переводчиков.*

истории гораздо более заметно, чем оно кажется учёным-историкам. Иногда они, наподобие Наполеону, становятся вождями групп людей, объединённых целями не имеющих прямого отношения к их личностям: французская революционная армия считала себя освободительницей Европы. В Италии и по большей части на западе Германии её воспринимали именно в этом качестве, но сам Наполеон никогда не даровал больше свобод, чем того требовалось для его собственной карьеры. Но все-таки очень часто цели не претендуют на обезличенный характер. Возможно, Александр Македонский решил эллинизировать Восток, но сомнительно, что македонцев интересовал этот аспект его военных походов. Древнеримских военачальников в последнее столетие существования Республики интересовали, прежде всего, деньги. Раздачей земельных участков и драгоценностей они обеспечивали преданность своих солдат. Сесил Родз заявлял о мистическом характере веры в могущество Британской империи, но эта вера приносила хорошие дивиденды; а побудительным мотивом солдат, нанятых им для покорения Матабелланда, были исключительно деньги. Откровенная или слегка замаскированная жадность играла огромную роль в войнах по всему миру. Как мы уже отметили, подчиняясь вождю, рядовой мирный человек руководствуется чувством страха. Но такое утверждение вряд ли справедливо по отношению к пиратской шайке, если только у этих людей не было возможности заняться более миролюбивыми видами деятельности.

Утвердив свой авторитет, вождь может приступить к устрашению непокорных. Однако до тех пор, пока он не стал вождём и пока большинство людей не признало его таковым, он не в состоянии внушать страх. Для обретения статуса вождя человеку необходимо в высшей степени обладать качествами, которые обеспечивают авторитет среди других людей: уверенность в своих силах и способность быстро принимать адекватные меры. Лидерские качества – понятие относительное: только Цезарь мог заставить Антония повиноваться ему, а другим людям это было не под силу. Большинство людей считают, что политика – дело сложное и что лучше следовать за вождём. Они чувствуют это инстинктивно, сами того не осознавая, – как собаки по отношению к своим хозяевам. Если бы дело обстояло по-другому, то политические инициативы вряд ли охватывали бы массы людей. Таким образом, жажда власти как мотив ограничена трусливостью, которая также ограничивает желание человека самостоятельно принимать решения. Обладая властью, мы можем в большей степени реализовывать свои желания, чем это было бы возможным при отсутствии властных полномочий. Власть имущий обеспечивает почтительное отношение к себе со стороны других людей. Естественно, что люди жаждут власти в той мере, в какой им это позволяет их трусливость. Привычка нести ответственность делает человека более решительным и, соответственно, усиливает жажду власти. Сталкиваясь с жестоким или недружественным отношением, люди реагируют двояко: пугливые стремятся остаться незамеченными, а для смелых – это стимул добиться такого статуса, чтобы они сами могли проявлять жестокость, а не страдать от жестокого обращения.

Следующей за анархией стадией развития общества естественным образом становится деспотизм, ведь это обеспечивают инстинкты доминирования и

подчинения. Это было показано на уровне семьи, Государства и деловой активности. Сотрудничать на равных гораздо труднее, чем проявлять деспотизм; да и инстинкты склоняют людей к проявлению деспотизма. Пытаясь сотрудничать на равных, каждый человек всё же стремится проявлять полное господство, поскольку импульсы к подчинению не задействованы. Почти необходимым условием является осознание всеми людьми, участвующими в общем деле, приверженности чему-либо, не связанному с данной группой людей. Успешный семейный бизнес в Китае часто базируется на конфуцианском принципе верности семье. Но обезличенные акционерные компании имеют склонность оказываться неэффективными, так как ни у одного из акционеров нет убедительных мотивов действовать честно в отношении остальных акционеров. Там, где правительство – это «место для дискуссий», для достижения успеха должно быть всеобщее уважение к закону, к нации или к некоему принципу, уважаемому всеми. Когда необходимо разрешить какой-либо спорный вопрос в «Обществе Друзей»²⁶, там не устраивают голосование и не решают этот вопрос согласно мнению большинства. Спорный вопрос обсуждают, пока не придут к «единому мнению», которое, как раньше считали, было подсказано свыше Святым Духом. В данном случае мы имеем дело с необычно однородным сообществом людей. Но если правительство как «место для дискуссий» не обладает однородностью, оно не является эффективным.

Чувство солидарности, необходимое для формирования правительства как «места для дискуссий», легко может возникнуть в семье (например, Фуггеров или Ротшильдов), в небольшом религиозном сообществе (например, Квакеров), в племени варваров или в государстве, которое воюет либо находится на грани войны. Без внешнего давления практически невозможно обойтись: члены сообщества держатся друг за друга, боясь действовать поодиночке. Возникновение общей угрозы – самый лёгкий способ достижения однородности. Однако всё это не позволяет решить проблему власти во всём мире. Нам хочется предотвратить бедствия, например, войну, являющиеся причиной сплочённости в настоящее время, но мы не желаем разрушать сотрудничество в обществе. Это представляет значительную проблему – как в психологическом, так и в политическом аспектах. Проведя аналогию, сформулируем таким образом: эта проблема, возможно, и имеет решение, если изначально какое-то одно государство проявляла деспотизм. Свободное сотрудничество между государствами, привыкшими к *liberum veto*²⁷, так же затруднительно, как между представителями польской аристократии до раздела Польши. Как в первом случае, так и во втором прекращение существования кажется более предпочтительным, чем проявление здравого смысла. Человечеству нужны государственные органы власти, но в тех регионах, где правила анархия, люди в первое время будут подчиняться только деспотической власти. Таким образом, нам необходимо обеспечить функционирование властных структур. И только после того, как функционирование этих органов власти станет привычным делом, можно будет надеяться на успешный переход к демократии. «Абсолютная власть полезна

---

²⁶ Имеются в виду квакеры – примечание переводчиков.

²⁷ Свободное право вето (лат.) – примечание переводчиков.

на этапе становления организации. Медленнее, но так же уверенно нарастает требование в обществе, чтобы власть использовалась только во имя всеобщего блага. Это требование постоянно проявляется в церковной и политической истории, но уже возникло и в экономической сфере»²⁸.

До сих пор я рассуждал о тех, кто командует и тех, кто подчиняется. Но есть и третий тип людей – те, кто самоустраивается. Это люди, у которых достаточно смелости, чтобы отказаться повиноваться кому-либо, но отсутствует властность, которая обычно становится причиной желания командовать. Им нелегко стать частью структуры общества. Они ищут некое убежище, где могли бы наслаждаться в той или иной мере свободой уединения. Иногда люди с таким темпераментом играли огромную историческую роль. Первые христиане и первые поселенцы на западе США представляют две разновидности этого типа людей. Иногда убежище бывает ментальным, иногда – физическим; временами оно требует полного уединения отшельника, а подчас – уединения от общества в монастыре. Среди ментальных беженцев можно выделить представителей различных «мутных» сект, а также людей, поглощённых своими безобидными причудами и заумных, но общественно малозначимых эрудитов. Среди людей, ищущих физического уединения, выделим тех, кто стремится в пограничные районы цивилизации, и таких путешественников, как Бейтс [Bates], «натуралист на реке Амазонке», счастливо проживший там 15 лет в окружении одних лишь индейцев. В характере отшельника есть качество, необходимое для превосходства, ведь оно позволяет человеку сопротивляться соблазну обретения популярности, предаваться важной работе, несмотря на всеобщее безразличие или враждебность, а также придерживаться взглядов, идущих вразрез с преобладающими ошибочными суждениями.

Среди самоустраившихся есть люди, вовсе не испытывающие безразличия к власти: просто они не способны получить власть обычными способами. Такие люди могут стать святыми или основателями еретических течений, основателями монашеских орденов или новых направлений в искусстве и литературе. В качестве последователей они притягивают к себе людей, сочетающих в себе стремление подчиниться с желанием бунтовать. Последняя из вышеупомянутых черт характера исключает приверженность традиционным взглядам, а первая обеспечивает принятие новых догм даже вопреки логике и фактам. В качестве примера можно привести Л. Толстого и его последователей. Настоящий отшельник – совсем другое дело. Блестящим примером этого типа является персонаж Жак-меланхолик²⁹, отправившийся в ссылку с добрым Герцогом, просто потому что это ссылка, а позже предпочитает остаться в лесу с плохим Герцогом, а не возвращаться к королевскому двору. Многие первопроходцы Дикого Запада США, длительное время терпевшие нужду и лишения, продавали свои фермы и уходили дальше на

---

²⁸ Berle and A. A. Means G. C., *The Modern Corporation and Private Property*, p. 353. Они говорят о промышленных корпорациях. – *Так в источнике, примечания переводчиков.*

²⁹ Персонаж из комедии У. Шекспира – «Как вам это понравится» – *примечание переводчиков.*

запад, когда их «догоняла» цивилизация. Для людей с таким темпераментом мир даёт всё меньше и меньше возможностей. Некоторых из них вовлекает в себя преступный мир, другие предпочитают отшельничество или асоциальную философию. Слишком активное общение с их собратьями превращает их в мизантропов, что естественным образом толкает их к насилию, если они не в состоянии найти уединение.

Робкие люди организуются, не только подчиняясь лидеру, но и обретая спокойствие, возникающее у каждого, кто является частью толпы, в которой все думают и чувствуют одинаково. Присутствуя на массовом митинге и восторженно поддерживая его цели, человек чувствует экзальтацию, смешанную с ощущением тепла и безопасности. Эмоции, присущие всем вокруг, становятся всё более сильными, пока не вытесняют все другие чувства, кроме восторженного ощущения власти в результате многократного воспроизведения собственного «эго». Коллективный восторг – это изысканный вид интоксикации, при котором легко теряются здравый смысл, гуманность и даже чувство самосохранения. При такой интоксикации становятся в равной степени возможными и зверские побоища, и героическое мученичество. Как и при других видах интоксикации, коллективному восторгу трудно сопротивляться, если человек уже испытал его сладость, но он, в конце концов, вызывает апатию и утомление, а также необходимость находить всё более сильные стимулы, чтобы достичь первоначального уровня воодушевления.

Присутствие лидера отнюдь не обязательно для возникновения вышеуказанных эмоций у людей в толпе. Музыка или какое-либо захватывающее событие могут производить подобный эффект, но проще и чаще всего он достигается при выступлении оратора. Следовательно, удовольствие от коллективного восторга – важный элемент власти лидера. Лидеру вовсе не обязательно самому испытывать восторг. Он может сказать самому себе, подобно шекспировскому Антонию:

Ты вспыхнул, бунт! Ты на ногах! Теперь
Прими какое хочешь направление³⁰

Однако вождь едва ли достигнет успеха, если он не наслаждается властью над своими последователями. Таким образом, вождь предпочтёт такую ситуацию, такую разновидность толпы, которые легко обеспечат ему успех. Идеальный вариант – это наличие достаточно серьёзной опасности, чтобы люди почувствовали себя достаточно смелыми для борьбы с ней. Однако эта опасность не настолько ужасная, чтобы над людьми взяло верх чувство страха – например, начало войны с неприятелем, который считается грозным, но которого вполне возможно победить. Искусный оратор стремится повысить градус воинственности окружающей его толпы, а его риторика носит двойственный характер. На поверхности лежат заверения в могуществе врага и необходимости смелости для борьбы с ним, а

---

³⁰ Шекспир У. «Юлий Цезарь»: пер. П. Козлова. Акт 3. Сцена 2 – *Примечание переводчиков*.

убежденность в победе над врагом носит глубинный характер. И то, и другое воплощены в девизе: Право могущественнее силы [right will prevail over might].

Ораторы желают взаимодействовать с толпой, более склонной к эмоциям, а не рефлексии. С толпой, испытывающей страх, результатом которого является ненависть. Такая толпа слишком нетерпелива для медленных и постепенных методов решения проблем. Людей в толпе легко вывести из себя и вселить в них надежду. Если оратор не является циничным до мозга костей, он разработает систему убеждений, оправдывающих его действия. Он подумает о том, что люди в большей степени руководствуются чувствами, чем разумом; что наши убеждения лучше настаивать на крови, а не на умственной деятельности, и что лучшие моменты человеческой жизни имеют коллективное, а не индивидуальное начало. Если он держит под контролем систему образования, то будет чередовать муштру с коллективным возбуждением, а знания и способность к оценочным суждениям станут уделом хладнокровных адептов равнодушной [inhuman] науки.

Однако властолюбивые люди отнюдь не все похожи на ораторов. Есть и другой тип: их жажда власти подпитывается контролем над системой³¹ [mechanism]. Посмотрим, например, на отчет Бруно Муссолини о подвигах военно-воздушных сил в Абиссинской войне: «Мы открыли огонь по лесистым холмам, по полям и деревенькам... Это всё было очень весело... Почти не касаясь земли, бомбы взрывались, превращаясь в белый дым и чудовищное пламя, и начинала гореть трава. Я подумал о животных: Боже, как они мчались!.. Когда отсеки для бомб опустели, я начал бросать бомбы вручную... Это было чрезвычайно весело: в окружённую высокими деревьями в крупную зарю³² нелегко попасть. Мне приходилось целиться аккуратно в соломенную крышу, и попал я только с третьего раза. Засевшие внутри злодеи, видя, что их крыша горит, выпрыгивали и ударили со всех ног. Окружённые кольцом огня, около пяти тысяч абиссинцев попал и как кур в ощиц. Это было ужасное зрелище»³³.

Для достижения успеха оратору нужно интуитивно разбираться в психологии, а лёгчику наподобие Бруно Муссолини для достижения удовольствия психология нужна была лишь для понимания того, что сгореть заживо – это неприятно.

Оратор – человек античного типа, а человек, чья власть основана на системе [mechanism], это – черта современности. Впрочем, бывали и исключения: прочтите,

---

³¹ В оригинале mechanism. Но это существительное слишком резко звучит в русском переводе. Хотя без сомнения Рассел имел ввиду бездушную, автоматическую социальную механику, основанную на системном принципе, которой может управлять властолюбец. Это ясно из всего последующего текста. В тех случаях, когда мы используем термин «Система» как mechanism мы оговариваем это в квадратных скобках, приводя оригинал. В тех случаях, когда система – это system мы таковой оговорки не производим. – *примечание переводчиков.*

³² Zariya в прямом смысле - забор из колючих кустов, эквивалент колючей проволоки, но по контексту это, скорее всего, некое подобие блиндажа или иного примитивного укрепления.

³³ Точный источник у Рассела не указан. Определить источник самостоятельно на не удалось, а именн: место и время публикации отчета Бруно Муссолини – *примечание переводчиков.*

например, о том, как в конце первой Пунической войны карфагеняне использовали слонов, чтобы насмерть затоптать мятежных наёмников. Там психология играла ту же роль, что и в случае с Бруно Муссолини³⁴. Однако в сравнительном аспекте власть, базирующаяся на системе [mechanism], характеризует нашу эпоху в большей степени, чем какие-либо предыдущие.

Психология олигархии, зависящей от механической власти, всё ещё не везде получила своё развитие. Однако это развитие неизбежно, и в нём можно увидеть новизну – в количественном (но не в качественном) аспекте. Контролируя авиопланы, военно-морские силы, электростанции, автотранспорт и т. д., технически «подкованная» олигархия вполне могла бы установить диктатуру, при этом почти не требуя, чтобы подчинённые смирились с этой диктатурой. Существование империи Лапута поддерживалось её способностью оказываться между солнцем и мятежной провинцией. Почти столь же радикальные меры могли бы быть предприняты союзом научно-технических специалистов. Изначально поощряя зависимость жителей непокорного региона от света, тепла и электроэнергии, они могли бы впоследствии лишиться их этих источников комфорта и заставить их голодать. Они могли бы отравить этих людей ядовитыми газами и вредоносными бактериями. Сопrotивляться в этом случае было бы практически бессмысленно. А люди, контролирующие эти процессы, научившись работе с механизмами, рассматривали бы человеческий материал как свои собственные механизмы, т. е. как нечто бесчувственное и управляемое согласно законам, которые оператор может использовать в выгодном для себя свете. Характерной чертой такого режима была бы холодная жестокость, превосходящая все доселе существовавшие тирании.

Тема данной книги – власть над людьми, а не над материей. Но существует возможность установления власти над людьми с помощью технологий, основанных на власти над материей. Люди, у которых контроль за мощными механизмами вошёл в привычку и получившие в результате этого контроль за людьми, предположительно, будут практиковать креативный подход к своим подчинённым. Он будет кардинально отличаться от того, что практикуют люди, полагающиеся на силу убеждения, пусть даже и с помощью нечестных методов. Большинству из нас когда-то довелось потревожить муравейник и с некоторым удовольствием наблюдать за суетой и переполохом, возникшими в результате наших действий. Если наблюдать с крыши небоскрёба в Нью-Йорке за дорожным движением, то люди внизу перестают казаться человеческими существами, а их действия выглядят слегка абсурдными. Если бы у кого-нибудь была возможность уподобиться Юпитеру, способному метать молнии, у него возникло бы искушение метнуть молнию в толпу с тем же самым мотивом, как и в случае с муравейником. Очевидно, именно это чувство испытывал Бруно Муссолини, глядя со своего авиоплана на абиссинцев. Представьте себе правительство, состоящее из учёных, которые из-за страха перед возможными заказными убийствами постоянно живут в

---

³⁴ Диодор Сицилийский, Кн. XXV (фрагмент). Посмотрите "Саламбо" Флобера. – Так в оригинале – примечание переводчиков.

аэропланах, лишь изредка совершая посадку на вершины высоких башен или плоты в море. Будет ли такое правительство всерьёз заботиться о своих подчинённых? Нет, можно быть практически уверенным в том, что оно будет относиться к подчинённым так же безразлично, как оно относится к своим механизмам, когда они чётко и безупречно работают. Но когда что-либо идёт не по плану и выясняется, что люди – это не механизмы, в нём вспыхивает холодный гнев, присущий людям, чьи принципы ставятся под сомнение людьми более низкого статуса. Правительство будет подавлять сопротивление наименее проблемным способом.

Читателю может показаться, что всё это – лишь страшный сон, который не стоило вообще описывать. Я тоже хотел бы так думать. Я уверен, что технократическая? власть [Mechanical power] породит новую ментальность, при которой нахождение способов контроля за правительствами становится гораздо более важным, чем это было когда-либо раньше. Возможно, достижения техники сделали демократию более труднодостижимой, но они же повысили её важность. Если в распоряжении человека находятся необъятные технические возможности, то весьма вероятно, что при отсутствии должного контроля он почувствует себя богом. Не христианским Богом, который есть Любовь, а языческим Тором или Вулканом.

Дж. Леопарди описывает, к чему привела активность вулкана на склонах Везувия:

Эти склоны,
Что пеплом и окаменевшей лавой
Покрыты как броней,
Где гулки все шаги, где свившись в кольца,
Дремлет змея и кролик
Дрожит в своей пещерке под землей –
Когда-то были пашнями, звенели
Колосьями и оглашались томным
Мычаньем стад. Тенистые сады
Вкруг пышных вилл пестрели
И странников в свою манили сень,
И города соревновались в славе –
Как вдруг дыханьем огненным вулкан
Надменный, словно молнией, в момент
Их ввергнул в прах со всеми, кто дерзнул
Там жить. С тех пор руины
Кругом...³⁵

Теперь люди могут добиться таких же результатов. Они уже добились этого в Гернике; возможно, вскоре добьются и там, где сейчас стоит Лондон. Что можно ожидать от олигархов, взобравшихся на вершину власти путём такого разрушения?

---

³⁵ Леопарди. Дрок, или Цветок пустыни: пер. Т. Стамовой. Название на языке оригинала (итал.) – «La ginestra, o il fiore del deserto». У Рассела приводится как в оригинале, так и в переводе на английский язык – *примечание переводчиков*.

А если бы вместо Лондона и Парижа молниями новых богов разрушили Берлин и Рим, осталось бы в разрушителях после этого хотя бы что-то человеческое? Разве люди, обладающие чувством гуманности, не сошли бы с ума от скрытой жалости и не стали ещё хуже тех людей, кому незачем скрывать своё чувство сострадания? Раньше люди продавались дьяволу ради приобретения колдовской власти. В наши дни они получают власть благодаря науке, а это вынуждает их становиться дьяволами. Мир безнадежен, если власть не удастся укротить и поставить на службу не какой-либо группе тиранов-фанатиков, но всей человеческой расе: белым, жёлтым и чёрным, фашистам, коммунистам и демократам. Ибо наука ставит людей перед неизбежным выбором: либо все должны жить, либо все должны умереть [...].

Сведения об авторах перевода

Шевченко Олег Константинович – кандидат философских наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая Академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта. Email: skilur80@mail.ru

Shevchenko Oleg Konstantinovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» in Yalta. Email: skilur80@mail.ru

Передерий Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая Академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта. Email: s-peredery@mail.ru

Perederiy Sergey Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» in Yalta. Email: s-peredery@mail.ru